

В ТЕНИ ГЕЛИОСА

РОМАН ГРОМОВ

Книга вторая: Эхо пустыни

Роман Громов

В тени Гелиоса Эхо пустыни

<https://litres.ru/74196109>

SelfPub; 2026

Аннотация

Максим выжил. Он прошёл сквозь пустыню, не погиб в каньонах, пережил бурю и встретил тех, кого система вычеркнула из памяти — но они не сдались. Теперь он стоит на пороге Сирокко-6. Здесь его ждёт та, ради кого он пересёк пустыню. Кай. Женщина, оставившая ему послание на старой карте. Женщина, которая верила — он придёт.

Но она не ждала сложа руки.

Пока Максим шёл к ней, она строила сопротивление. Вербовала людей, шептала правду тем, кто боялся даже дышать. Когда они встретятся, он поймёт: их встреча — не финал. Это точка отсчёта.

Отверженные готовы действовать. У них есть технология, способная перековать планету. У Кай — люди, готовые рискнуть всем. Максим — тот, кто свяжет их воедино. Вместе они смогут изменить Сирокко.

Но система не отступает. Гюрза жаждет расплаты. Администрация затягивает петлю. А за всем этим стоит «Гелиос» — бездушная мегакорпорация, построившая клетку и назвавшая её жизнью. И она не позволит разрушить свои стены.

Содержание

Предисловие	4
Глава 1: Сирокко-6	6
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Роман Громов

В тени Гелиоса

Эхо пустыни

Предисловие

Всё началось на Земле. В тесных подвалах, где собирались те, кого система считала мусором. В мастерских, где пахло оловом и надеждой. На пустынных улицах, где люди с пустыми глазами смотрели в небо и не видели звёзд. Тогда Максим впервые взял в руки свою судьбу. И сделал шаг, которого никто от него не ждал.

Система сломала многих. Умбра погиб, так и не увидев рассвета. Вадим предал — испугался, сдался, выбрал клетку. Юлия осталась одна на планете, которая никогда не была ей домом. Но Максим выжил на Сирокко. Он пересёк пустыню ради встречи с Кай, нашёл союзников среди тех, кого мир забыл, и почти нашёл её.

Теперь Максим мчится к Сирокко-6. Встреча близка. Но то, что они увидят друг в друге, изменит всё. Потому что каждый из них нёс свою ношу, каждый боролся в одиночку — и каждый верил, что однажды они встретятся среди дюн. Их ждёт не тишина. Их ждёт голос. Тот, что поднимает-

ся из песков. Тот, что шепчет: «Система не вечна». Тот, что зовёт за собой — туда, где воздух становится правом, а не подачкой.

Глава 1: Сирокко-6

Я проснулся от тихого шипения. Сначала не понял, что это, — сон всё ещё не отпустил до конца. Где-то в глубине сознания ещё теплились обрывки сна: красное небо, песок, бесконечные каньоны. Но звук был слишком реальным, слишком близким. Я узнал его: фильтры шлема прокачивали воздух.

Кто-то надел его на меня, пока я спал.

Открыл глаза. Пещера была пуста. Обогреватель, который стоял в углу, давно остыл — я чувствовал это даже сквозь костюм. Ячейка терраформирования, создававшая воздух, исчезла. Герон забрал её с собой. Вокруг была только тишина и холодные каменные своды над головой.

Я сделал вдох. Фильтры шлема работали ровно, подавая чистый, свежий воздух. Герон позаботился об этом, прежде чем уйти. Я сел, чувствуя, как затекшие мышцы протестуют против движения. Небольшой, узкий матрас в нише, на котором я провёл ночь, был единственным напоминанием о вчерашней встрече. На камне рядом с ним лежала фляга с водой, несколько пайков, прибор с одной кнопкой и сложенный лист бумаги.

Я взял лист, развернул его. Буквы были выведены твёрдой рукой, без лишних завитков. Герон писал не спеша, но уверенно — как человек, который привык, что его слова имеют

вес.

«Вот тебе кликер. Захочешь встретиться — нажми кнопку. Через два дня после активации приезжай к той пещере, в которой ты спасался в прошлую бурю. Я пришлю кого-нибудь. Не задерживайся. Теперь ты должен найти её — и тогда мы сможем начать. Не верь тому, что говорят на станциях. Воздух — это право, а не подарок. Герон.»

«Кликер», — прочитал я вслух. Странное название для странного прибора.

Я взял его в руки. Старый, потёртый корпус из тёмного пластика, одна кнопка в углублении, никаких разъёмов, никаких индикаторов. Просто герметичный блок с антенной, впаянной прямо в пластик. На ощупь он казался почти тёплым — будто хранил тепло рук тех, кто носил его до меня. Мне предстояло понять, как эта штука работает. И почему она вообще может работать здесь, на Сирокко, где радиоволны почти не проходят на дальние расстояния.

Слишком много металлической пыли в атмосфере, слишком много сернистых соединений. Они рассеивают сигналы, отражают, глушат. Спутниковая связь и та кое-как работала лишь в редкие окна и только через мощные ретрансляторы на станциях. А у Отверженных не было доступа к ним. Но низкие частоты... они могли проникать сквозь пылевую взвесь. Недалеко. Может, на пятьдесят-сто километров.

Но если у них есть релейная сеть — несколько приёмников, которые передают сигнал дальше, как эстафета, — то

дальность становится не важна. Сигнал просто прыгает от одной точки к другой, пока не достигнет цели. Я представил эту сеть: маленькие коробочки, спрятанные в пещерах, под камнями, в старых машинах. Каждая принимает сигнал, усиливает и отправляет дальше. «Инженерная мысль Отверженных», — подумал я. — «Они используют то, что система считает мёртвым».

Я сжал кликер в руке. Он был лёгким, почти невесомым, но в нём чувствовалась надёжность. Я зажал его в правой руке, а левой потянулся к спине, чтобы отстегнуть из крепления тонкий транспортный бокс. Схватился за боковую ручку — магнитный держатель завибрировал, и бокс оказался у меня в руках. Я подождал пару секунд, пока стенки раздулись, образуя что-то похожее на коробку с доступом сверху. Спрятал кликер внутрь, туда же закинул флягу и запас еды. Ещё мгновение — и бокс сдулся, плотно зафиксировав светлой плёнкой стенок новые предметы внутри. Я отправил его обратно на спину — магнит издал короткую вибрацию и всосал сложенный транспортный бокс в спинную нишу костюма.

Я поправил костюм, проверил, что ничего не болтается, и вышел из пещеры.

Солнце, после темных переходов, резануло по глазам. Пришлось спешно надвинуть на визор шлема золотистый солнцезащитный светофильтр. Только после того, как фильтр защёлкнулся, я смог нормально оглядеться. Каньоны

были пусты. Только на западе, у одной из многочисленных развилок, две плоские машины Отверженных уже исчезали в мареве. Я проводил их взглядом, чувствуя, как уходит последняя связь с теми, кто стал моими спасителями. Они уже были далеко, но я знал, что они вернутся — когда я нажму кнопку. Что касается топографии, я узнал это место — тот самый участок каньонов, который я проезжал вчера, когда пытался уйти от бури. До «Весты» — часа три пешком, или чуть меньше. Я проверил крепления магнитного держателя на спине, убедился, что транспортный бокс сидит плотно, и пошёл.

Три часа в пути. Жара. Песок. Тишина. Я шёл по дну каньона, и каждый шаг давался с трудом. Фильтры шлема подавали горячий воздух — почти такой же, как снаружи, только очищенный от серы и пыли. Он обжигал горло, сушил губы, заставлял чаще моргать. Внутри шлема быстро становилось влажно и душно. Пот скапливался на лбу, заливал глаза, но вытереть его было нечем — визор между мной и внешним миром был непроницаем. Я просто моргал, разгоняя влагу по стеклу, пока она не испарялась сама. Это занимало несколько секунд, но они казались вечностью.

Песок скрипел под ногами, просыпался в сочленения костюма, набивался в складки. Тишина давила на уши — только моё дыхание, только гул фильтров и тонкое шуршание песка. Иногда ветер поднимал столбы пыли, которые кружились вдалеке, и я останавливался, глядя на них. Они напо-

минали призраков — тех, кто когда-то шёл по этой дороге и не дошёл.

Постепенно я начал узнавать те места, которые вчера проезжал на скорости. Тогда они казались просто полосой препятствий — камни, осыпи, узкие проходы. Теперь, пешком, я видел их иначе. Замечал трещины в скалах, следы старой эрозии, редкие кусты «Корней-Ветров», цепляющиеся за жизнь в расщелинах. В одном месте я увидел поваленный бурей старый знак, наполовину засыпанный песком. Тот же, что и вчера. На нём ещё читалась надпись: «*Сирокко-6 — 4175 км*». Я смотрел на этот указатель и думал о том, сколько людей прошло здесь до меня. И сколько из них не дошли.

Солнце поднималось над стенами каньона, тени становились короче. Жара усиливалась. Я шёл и думал о Кай. О том, что она скажет, когда увидит меня. О том, как я скажу ей всё, что не успел сказать тогда, на Земле. О том, что она могла сильно измениться — впрочем, как и я не остался прежним. Шагал и представлял её лицо, её голос, весёлую улыбку, румянец на щеках. Я так долго искал её, что почти забыл, как она выглядит. Но до сих пор помнил её глаза — серые, внимательные, с искоркой, которую никто не мог погасить.

К концу третьего часа я вышел на знакомый участок с небольшой нишей в изрезанных стенах каньона. «Веста» стояла там же, где я её и оставил.

Она была почти полностью засыпана песком. Только крыша и одна дверь, которую откопали мои спасители, торчали

наружу. Вокруг лежали груды песка и мелкой породы, нанесённые ветром. Я подошёл, оценил масштаб работы. Лопаты не было — только руки. Пришлось копать руками за неимением лучшего. Работал не меньше двадцати минут, разгребая большущий нанос, пока не начали болеть лопатки, а дыхание совсем не сбилось.

После небольшого перерыва продолжил. Песок сыпался обратно, приходилось отбрасывать его шире, чтобы не обваливались края импровизированного окопчика вокруг машины. Руки в перчатках быстро уставали, но я не останавливался. И продолжал нагребать грунт, чувствуя, как пот заливает глаза, как песок набивается в каждую складку костюма. Не остановился и дальше, потому что знал: другого выхода нет.

Через час с лишним я освободил колёса и днище настолько, чтобы можно было попытаться выехать. Запрыгнул в «Весту», покрутил руль на месте, только потом завёл двигатель. Он чихнул, кашлянул — и заработал. Я аккуратно сдал назад, выбираясь из песчаной ямы. «Веста» послушно выехала на твёрдую поверхность. Я заглушил двигатель, глянул на показания приборов. Проверил запас топлива — почти полный, едва израсходовано процентов двадцать. Отлично.

Затем вылез из машины и открыл капот. Вытащил из крыльевых ниш фильтры двигателя. Они были более-менее чистыми — я ведь вчера почти сразу выключил движок, и «Веста» не успела нахватать пыли. Постучал об колесо, вытряхнул из них застрявшую в мембранах мелкую фракцию пес-

ка и поставил обратно. Затем перешёл к фильтрам системы жизнеобеспечения. Они забились сильнее — песок набился в каждую складку. Я достал щёточку из-под сиденья «Весты» и аккуратно, чтобы не повредить мембраны, стряхнул песок с внешних решёток, прошёлся по фильтрам. Снятые решётки тоже решил почистить и только потом ставить на место, благо крепились они в пазах. Тоже потряс их на ветру, продул, проверил — дышат. Поставил на место.

И только после этих нехитрых манипуляций вернулся в кабину, закрыл дверь. Включил систему жизнеобеспечения. Компрессоры загудели, прокачивая воздух через свежееочищенные фильтры. На панели зажглись зелёные индикаторы. Я ждал, пока баллоны наполнятся кислородом хотя бы до 25% — неприкосновенный запас, которого должно хватить, чтобы продержаться какое-то время, если машина сломается и система жизнеобеспечения не сможет работать. Я сидел в тишине, слушая гул компрессоров, и думал о том, сколько раз я уже делал это. Сколько раз я чинил, настраивал, ждал. И каждый раз это возвращало меня к жизни.

Снял шлем. Вдохнул. Воздух был чистым.

Через полчаса, когда датчики подтвердили степень заполнения баллонов с кислородом на четверть, я тронул «Весту» и взял курс на восток.

Первые часы езды были привычными. Сеть каньонов осталась позади, а впереди пустыня тянулась до горизонта — красная, бесконечная, безжизненная. Включил автопилот,

позволил себе откинуться на спинку сиденья. Смотрел вперёд, слушал гул двигателя, думал о Кай. О том, как я её люблю и не смотря ни на что почти нашёл её. О том, что она ждала меня там, на станции. А ещё о том, что мы очень скоро снова увидимся.

Солнце медленно ползло по небу, и тени от «Весты» становились длиннее. Я проверял время от времени карту на навигаторе — до Сирокко-6 оставалось ещё больше тысячи километров. Ещё часов шесть пути, не меньше. И это если не останавливаться. Я смотрел на карту и видел, как мой пункт назначения медленно приближается — сантиметр за сантиметром, километр за километром.

К вечеру я понял, что не доеду засветло. Солнце клонилось к горизонту, окрашивая пустыню в багровые тона — такие же, как кровь, как песок, как всё на этой планете. Я остановился у небольшой скалы — единственного укрытия на много километров вокруг. Загнал «Весту» в тень, заглушил двигатель.

Тишина. Только ветер гулял по пустыне, поднимая тонкие струйки песка.

И только сейчас вспомнил, что сегодня ничего не ел, а вода из гидратора особой погоды не сделала. Едва в голове пронеслись эти мысли, мой желудок, будто разбуженный ими, начал отчаянно бурлить, настойчиво требуя ужина.

Надутый транспортный бокс уже в руках. Я выудил из его чрева коричневые, будто скатанные из чёрного хлеба боль-

шие шарики, попробовал один на вкус. Приятный, с запахом вяленого мяса и пшеничной муки, походный рацион Отверженных несказанно удивил.

Едва я укусил плотную структуру, к привкусу мяса добавились тонкие нотки специй, оттенки какой-то зелени и сладковатый тон паприки или помидора. Я проглотил первый шарик, за ним во рту исчез и второй, а руки уже начинали рвать упаковку третьего. Одним словом, наелся до отвала. И лишь потом увидел, как в моей переноске помимо фляги перекачиваются всего два таких пайка.

Достал флягу, отхлебнул. Это была не вода, а скорее настойка на травах с лёгким лимонным привкусом. Когда трапеза закончилась, я решил завалиться спать. Заблокировал двери, разложил сиденье и откинулся на спинку. В кабине было тепло — климат-контроль держал комфортную температуру. Снаружи, за бронированными стёклами, начиналась ночь. Температура падала на десятки градусов, и я видел, как на стёклах сначала собирается конденсат — тонкая, едва заметная влага. А потом, когда холод становился сильнее, этот конденсат начинал замерзать, закручивая причудливые ледяные узоры. Лёд полз от краёв к центру, рисуя на стекле сложные, почти живые линии. Они напоминали карту — карту пустыни, которую я прошёл, и той, которая ждала впереди.

Я смотрел на этот узор, слушал тишину и думал о Кай. О том, что увижу её завтра. О том, что она скажет мне. И о

том, как я скажу ей всё, что не успел сказать ещё тогда, на Земле. Я вспоминал, как мы сидели в той котельной, как она грела руки о кружку с чаем, как улыбалась. И понимал, что никогда до того момента не видел её такой счастливой, а ещё сожалел, что даже не знаю, какой она стала сейчас. И боялся, что не узнаю её.

Заснул я быстро. Усталость взяла своё.

Проснулся от холода. Снаружи было темно, но небо на востоке начало светлеть. Рассвет постепенно входил в полную силу, разгоняя серые, бледнеющие тени на небосклоне. Я сел, протёр глаза. Закинул в рот предпоследний шарик сухого пайка Отверженных. Прожевал, запил травяным настоем из фляги. Завёл «Весту» — двигатель заурчал ровно. И только потом оставил своё ночное укрытие и поспешил выехать на равнину. Снова взял курс на восток.

Последние часы пути тянулись медленно. Пустыня была пуста, будто замерла, ожидая нашей с Кай встречи. «Веста» шла бодро, с лёгкостью выжимая две сотни, даже обороты плавали не сильно. Я же всё время смотрел вперёд, ждал, когда на горизонте появится станция. Понимал, что она будет совсем другой — не такой, как остальные, которые я видел раньше. Шестая, самая новая станция из всех на Сирокко, последняя из построенных. Как я мысленно не готовился к встрече с ней, но всё равно оказался не готов.

Она появилась внезапно.

Сначала — просто светлое пятно в мареве. Потом я уви-

дел её контуры. И лишь через полчаса — начал различать детали. Сирокко-6 была огромной. Раз в шесть больше любой другой станции, которую я видел на этой планете. Она выглядела как настоящий наукоград — блоки из светлого полимера, купола с прозрачными крышами, высоченные мачты с антеннами и неизвестными мне приборами. Над станцией, в нескольких местах, высоко поднимались флагштоки с эмблемами «Гелиоса» и пирамидками «Нового Горизонта». Всё это сияло в лучах утреннего солнца, отражая свет так, что станция казалась сделанной из стекла и воздуха.

Я смотрел на неё и чувствовал, как внутри сжимается что-то. Она была другой. Современной, стерильной, почти чужой.

Я остановил «Весту», вышел, чтобы рассмотреть её лучше. Стоял на песчаном склоне, глядя на станцию, которая поднималась из пустыни, как белый город из другого мира. Ветер дул с востока, принося с собой тонкий аромат цветов — запах, которого никогда не было на других станциях.

Навстречу мне, со стороны станции, пылила небольшая колонна из трёх фур. Они были похожи на «Титаны» из каравана Джека, но колёса стояли иначе, а вместо грузовых платформ на них были установлены научные блоки — сканеры, антенны, приборы, которых я никогда не видел. Они выглядели сложными и дорогими — как всё на этой станции. Машины прошли мимо, не останавливаясь. На одной из них я заметил эмблему — стилизованный атом и надпись: «Сирок-

ко-6. *Научный центр*».

Я смотрел им вслед, пока они не скрылись за барханами. Потом сел в «Весту» и поехал прямо к станции.

Я подъехал к шлюзу и остановился. Не сразу — на мгновение задержался, глядя на массивные створки, которые должны были вот-вот открыться. Заглушил двигатель, вышел из машины и просто стоял несколько минут.

Смотрел на Сирокко-6. На её белые стены, на флаги, которые трепетали на ветру. На эмблемы «Гелиоса», которые были везде — на флагштоках, на корпусах зданий, даже на створках шлюза. Они смотрели на меня со всех сторон, напоминая, кто здесь хозяин.

Я думал о том, как много раз представлял этот момент. Как я подъезжаю к станции, где ждёт Кай. Как я выхожу из машины и вижу её. Как мы обнимаемся после стольких месяцев разлуки. В моей голове этот момент был другим — тёплым, радостным, полным слёз и улыбок.

Реальность была холоднее. Станция смотрела на меня равнодушно, как будто я был не человеком, а просто ещё одной машиной, которая приехала на разгрузку.

Я посмотрел на «Весту». Она выглядела грязной, потрёпанной, покрытой слоем пыли и песка. На фоне этой сияющей станции она казалась пришельцем из другого мира. Я тоже был пришельцем. Поправил костюм, проверил, хорошо ли закреплён транспортный бокс. Потом сделал глубокий вдох и пошёл обратно к машине.

Створки открылись, пропуская меня внутрь.

Отстойник перед шлюзом оказался свободен, а сама створка шлюза исчезла где-то в нише на потолке. Я заметил, как ветер гоняет внутри мелкую взвесь, а она, освещённая световыми панелями, движется как контрастные, маленькие вихри.

Завёл машину внутрь и остановился под мягким светом панелей у противоположных ворот шлюза. Створки закрылись за мной с тихим, почти бесшумным шипением — не тем грубым лязгом, к которому я привык на других станциях. Спустя минуту, когда стихли сильные потоки, обдувающие мою «Весту» со всех сторон, ответная створка поползла вверх, пропуская меня в помещение ангара. Воздух в ангаре был чище. Намного чище, чем я привык. Я заглушил двигатель, снял шлем и сделал глубокий вдох.

Здесь пахло не так, как на Сирокко-3 или Сирокко-5. Там воздух всегда был спёртым, с примесью химии и чужого пота. Здесь он был свежим, стерильным, с лёгким запахом озона и чистящих средств. Я вышел из «Весты» и огляделся.

Ангар был огромным. Потолок уходил вверх, теряясь в полумраке. Светлые, почти белые стены из глянцевого полимера отражали свет так, что помещение казалось ещё больше. Пол — идеально ровный, залитый каким-то светлым составом на резиновой основе, без трещин, без пятен масла. Вдоль стен стояли машины, которых я никогда ещё не видел: лёгкие, обтекаемые, с гладкими корпусами и сложными при-

борами на крышах. Никакой ржавчины, никаких заплаток. Всё сияло чистотой. На стенах висели огромные визуальные панели, которые проецировали схемы — какие-то графики, спектры, диаграммы. Я не понимал их смысла, но они выглядели сложными и дорогими. Где-то тихо гудело оборудование — ровно, без надрыва, в отличие от того, к чему я привык.

Люди в белых комбинезонах с эмблемами Сирокко-6 проходили мимо, не глядя на меня. Они не торопились, не сутулились, не выглядели уставшими. У них были свежие лица, чистая одежда, спокойные взгляды. На бейджах я читал: «доктор», «старший исследователь», «руководитель группы». Это были не рабочие. Это были учёные. Я стоял посреди этого ангара и чувствовал себя грязным, чужим, лишним.

Из боковой двери вышла девушка. Лет двадцати пяти, светлые волосы, собранные в хвост, на груди — бейдж с именем и эмблемой станции. Она улыбнулась мне — легко, приветливо. Её улыбка была такой же чистой, как всё вокруг.

— Здравствуйте! — сказала она. — Вы из какой экспедиции?

Я не сразу нашёлся, что ответить. Она смотрела на меня с искренним интересом, и я чувствовал себя неловко — как будто я сейчас точно был не на своём месте.

— Я я не из экспедиции, — сказал я. — Я просто приехал. Она улыбнулась шире, будто не поняла.

— Ну, все, кто приезжает на Шестую, — из экспедиций.

Какое направление? Микробиология? Геология? Астрофизика? — Она перечислила названия так, будто читала меню. — Мы тут все по науке работаем. Кстати, когда я в прошлый раз прилетала, наша группа занималась микробиологией почв. Мы даже статью написали по этой теме. Очень интересная работа вышла!

Она говорила так легко, будто это самое обычное дело в мире. Она не ждала, что я скажу что-то другое. Для неё Сирокко — это наука. Это возможность. Это карьера.

Я смотрел на неё. Смотрел на её белый комбинезон, на чистое и светлое лицо, на её, будто выстиранную улыбку и белые зубы. И вдруг понял, что она ничего не знает. От слова совсем. Ей и невдомёк, как выглядят другие станции. Что люди там работают до изнеможения, дышат спёртым воздухом, спят в тесных каморках по десять человек. Она и понятия не имеет, что «приехать на Сирокко» для большинства — не научная экспедиция, а приговор.

Я было хотел сказать ей: *«Знаешь, на других станциях люди умирают от работы, от жары и скученности, или потому что у них нет лекарств»*. Или: *«Я знаю людей, которые работают по шестнадцать часов, чтобы ты могла писать свои статьи»*. Но я промолчал, прикусив губу. Потому что она бы не поняла этого. Или потому что я не хотел видеть, как её лицо изменится.

Для неё Сирокко — это возможность. Для меня — тюрьма. Для Кай и остальных обречённых — тоже.

— Я ищу человека, — сказал я наконец. — Её зовут Кай. Она работала на Сирокко-5, потом переехала сюда.

Девушка на мгновение задумалась.

— Кай Кажется, я слышала это имя. Она работает в техническом отделе, если не ошибаюсь. На нижних уровнях.

Она указала рукой в сторону коридора.

— Вам туда. Но вам нужно сначала зарегистрироваться. А там уже на месте подскажут точное место. Я провожу.

Я кивнул. Она развернулась и пошла вперёд, не оборачиваясь. А мне не оставалось ничего другого, как пойти за ней.

Мы прошли мимо открытой двери, из-за которой доносились голоса. Двое мужчин сидели в комнате отдыха — мягкие кресла, низкий столик, на стене большой экран с какими-то графиками. Один из них, молодой, с рыжеватой бородкой, откинулся на спинку кресла и говорил с лёгкой капризной интонацией:

— Надоело здесь, честно говоря. Никаких развлечений, хоть вешайся. И этот шведский стол каждый день — уже в горле стоит. Комната, кабинет — всё одно и то же. Пятьдесят квадратов, а кажется, что в клетке. Домой хочу. До конца контракта ещё два месяца, не знаю, как выдержу.

Второй, постарше, с усталым, но добродушным лицом, усмехнулся.

— Ничего, потерпи. Я слышал, у техников комнаты вообще по двенадцать метров, и живут по двое в одной. Так что у нас ещё роскошь.

Рыжеватый хмыкнул, но без интереса — эта новость явно не задела его. Они продолжили говорить о своих проблемах. О том, как им скучно, как они хотят домой. А я слушал это и чувствовал, как внутри закипает что-то тёмное, злое. Эти люди не знают, что такое настоящие проблемы. Они не знают, что значит провести сутки в замкнутом помещении при тридцатиградусной жаре. Они не знают, что такое восемь квадратных метров каморки на шестерых. Они не знают, что значит застрять в буре или работать до изнеможения и не иметь возможности уйти. Они просто живут в своём мире — и не хотят знать, что другой вообще существует.

Я прошёл мимо, и их голоса стихли за спиной.

Мы свернули в другой коридор. Здесь было светлее, шире. В одной из боковых ниш стояла группа женщин — четверо, в таких же белых комбинезонах, с идеальными причёсками и лёгкими голосами. Они говорили наперебой, перебивая друг друга, и смеялись. Их смех был таким же чистым, как всё вокруг — лёгким, беззаботным.

— Нет, ты видела? Я вчера эти чулки надела, так он вообще оторваться не мог!

— Да ладно, а я думала, он на тебя даже не смотрит.

— Ну, теперь посмотрит. Только надо на завтра что-то другое придумать, а то он привыкнет, и всё.

— У меня есть идея. Научный корпус завтра, там все в строгом, а я...

Они говорили о каких-то пустяках — о чулках, туфлях,

о взглядах мужчин. О том, как привлечь к себе внимание представителей противоположного пола. Обычные разговоры, какие я слышал не раз на Земле в институтах и кафе. Но здесь. На Сирокко. На планете, где за тонкими стенами станций люди погибали и пропадали навсегда. Или, как на Сирокко-5, работали по шестнадцать часов подряд, без сна и отдыха. И эти женщины не знали об этом. А самое страшное в том, что они никогда не узнают. Им не нужно.

Я шёл мимо, и эти голоса оставались позади, а на губах чувствовал лишь горечь. И горькое презрение, смешанное с ненавистью, прожигало мне душу. Девушка-администратор не оборачивалась, не ждала меня — она просто шла вперёд, уверенная, что я следую за ней.

За всё время, пока я шёл, я не услышал ни одного упоминания о других станциях. Никто не говорил о Сирокко-3, о Сирокко-5. Для них этих станций не существовало. Был только их мир — чистый, стерильный, безопасный. И я был в нём чужим.

Регистрационный пункт находился в конце коридора — небольшая стойка из белого полимера, за которой сидел молодой парень в таком же белом комбинезоне. На его бейдже было написано «младший администратор». Он улыбнулся мне, когда я подошёл, но улыбка его была дежурной — такой же, как у девушки, которая привела меня сюда.

— Здравствуйте! — сказал он. — Ваши документы?

Я протянул идентификационную карточку, которую мне

выдали ещё на Сирокко-3. Он взял её, вставил в считыватель, посмотрел на экран. Его брови слегка приподнялись.

— Вы приехали с Сирокко-3? — спросил он.

— Да, — ответил я.

— О, вы, наверное, из геологической группы, которая работала на юге? — оживился он. — Я слышал, они проводили интересные исследования в прошлом году.

Я посмотрел на него. Он был искренен — он действительно думал, что я учёный. Что я приехал сюда работать над проектом, писать статьи, делать карьеру.

— Нет, — сказал я. — Я не из геологической группы.

Он удивился, но быстро взял себя в руки.

— Тогда вы из какой экспедиции?

— Я не из экспедиции, — повторил я. — Я просто приехал. Ищу человека.

Он моргнул, будто не понял. Потом его лицо снова стало приветливым, но я заметил, как изменился его взгляд — в нём появилась настороженность.

— Хорошо, — сказал он. — Заполните, пожалуйста, вот эту форму. — Он протянул мне планшет с сенсорным экраном. — Укажите цель вашего визита, срок пребывания и контактные данные человека, которого вы ищете.

Я взял планшет, начал заполнять. В графе «цель визита» я написал: *«Поиск человека. Кай. Технический отдел»*.

Парень смотрел на меня, пока я писал. Потом сказал:

— Вы знаете, это редкость — когда кто-то приезжает на

Шестую не по работе. Обычно все наши гости — учёные или исследователи. А вы вы просто ищете человека?

— Да, — ответил я, не поднимая головы.

— И вы приехали с Сирокко-3? — переспросил он. — Это ведь старая станция, да? Там, говорят, очень тяжело работать.

Я поднял на него глаза. Он тоже не знал. Он не знал, что Сирокко-3 — это не просто «тяжело работать». Он не знал, что там люди умирают. Он не знал, что это тюрьма. Для него Сирокко-3 была просто станцией, о которой он что-то слышал, но никогда не видел.

— Да, — сказал я. — Там тяжело.

Он кивнул, но я видел — он не понимает. И не сможет понять.

Я закончил заполнять форму, вернул планшет. Он проверил данные, поставил электронную подпись и вернул мне мою карточку.

— Всё в порядке. Добро пожаловать на Сирокко-6. Если вам понадобится помощь, обращайтесь в любой регистрационный пункт.

Я кивнул и отошёл от стойки.

Девушка-администратор уже ушла, оставив меня одного в коридоре. Я стоял, глядя на указатели, которые висели на стенах. *«Технический отдел — восточное крыло, нижний уровень»*. Я посмотрел в ту сторону и сделал первый шаг.

Через несколько минут неспешной прогулки коридоры

начали меняться. Свет становился тусклее. Стены — проще. Здесь не было глянцевого полимера и мягкого света. Здесь были обычные пластиковые панели, такие же, как на всех других станциях. Я спускался по лестнице и чувствовал, как воздух становится тяжелее. Не таким свежим, как наверху. В нём появлялись знакомый запахи — запах металла, смазки, старого пластика. Запах работы.

Я остановился на лестничной площадке, смотря вниз. Там, внизу, был технический отдел. Там, внизу, работала Кай. Я сделал глубокий вдох, чувствуя, как внутри нарастает тяжесть. Я боялся того, что увижу. Боялся, что она стала частью этого мира — мира, который не знает о других станциях.

Но я шёл. Потому что искал её слишком долго, чтобы сейчас остановиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.